

КОНТРАКТ

НА МОЁ ТЕЛО.

ЛЮБОВЬ –
ВНЕ УСЛОВИЙ.

МАРГАРИТА КИРОВА

Маргарита Кирова

**Контракт на моё тело.
Любовь – вне условий**

«Автор»

2026

Кирова М.

Контракт на моё тело. Любовь – вне условий / М. Кирова —
«Автор», 2026

Она очнулась в чужом теле – бесправной рабыни и прислуги в роскошном борделе, где девушек ломают, продают и заставляют служить хозяевам. На ее шее – метка собственности, впереди – унижения, наказания и контракт без выхода. Но Вера не привыкла подчиняться. И если весь этот ад держится на правилах, она найдет способ их разрушить.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КАБАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ	5
Глава 1. Пробуждение в иле	5
Глава 2. Хозяйка медной горы	10
Глава 3. Первый клиент и серебряное кольцо	15
Глава 4. Иерархия гадюшника	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Маргарита Кирова

Контракт на моё тело. Любовь – вне условий

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КАБАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ

Глава 1. Пробуждение в иле

– Дышит. Жаль.

Кто-то держит меня за волосы. Не сильно. Почти лениво. Щека лежит на мокром камне, в рот течет вода с привкусом ржавчины. Я пытаюсь сплюнуть, но губы слушаются плохо.

Чужие губы.

Тонкие. Разбитые. С засохшей кровью в уголке.

– Переверни ее, – говорит другой голос. Женский. Старше. Очень усталый.

Меня толкают носком сапога. Мир дергается: низкий потолок, желтый свет лампы, медная труба над головой. По трубе ползет капля. Доходит до стыка, висит, падает мне на шею.

Шея вспыхивает.

Я задыхаюсь раньше, чем понимаю причину. Под кожей сжимается холодное кольцо. Не снаружи, а внутри, между горлом и позвоночником.

– Очнулась, – говорит первая женщина. Наклоняется надо мной. Лицо широкое, простое. На щеке родинка с тремя волосками. Я вижу их яснее, чем нож у нее за поясом. – Ну здравствуй обратно, Вея.

Вея.

Имя падает внутрь, и за ним поднимаются чужие обрывки.

Коридор с зелеными стенами. Женщина в медном платье. Пять лет службы. Подпись на пергаменте. Ладан. Горячий воск. Кто-то смеется за ширмой. «Будешь хорошей – выйдешь свободной». Потом боль. Не своя. Чужая боль, забитая в рот, живот, кости.

Я закрываю глаза.

Нет.

Это больница. Должна быть больница. Я попала в аварию, мозг дорисовывает подвал, женщин, медную трубу. Сейчас кто-нибудь скажет: «Вера Сергеевна, вы меня слышите?» Я отвечу, что слышу, и потребую врача. И карту. И договор с клиникой, потому что пункт про ответственность у них был написан стыдно даже для частной медицины.

– Встать, – говорит старшая.

Тело не двигается.

Кольцо на шее затягивается.

Я дергаюсь всем телом и встаю на четвереньки. Кашель рвет горло. Из рта на камень падает темная слизь. Пальцы скользят по полу. Ногти короткие, сломанные. На запястье синяк в форме чужой ладони.

– Уже лучше. – Старшая приседает передо мной. На ней темное платье с засученными рукавами, руки красные от щелока. – Слышишь меня?

Я коротко киваю.

– Скажи.

Молчание может считаться отказом. Я не знаю правил, значит, отвечаю.

– Слышу.

Голос чужой. Хриплый. Ниже моего. В нем есть усталость человека, который кричал слишком долго и решил больше не тратить силы.

Женщина прищуривается.

– Связно.

Это плохо. До меня доходит по тому, как она держит плечо: она чуть закрывает выход.

– Воды нахлебалась, – говорю я и кашляю снова. Кашель приходит сам, правдивый.

Первая женщина отступает.

– Фу.

– Молчи, Граня, – говорит старшая.

Граня замолкает. Значит, главная здесь старшая.

– Как меня зовут? – спрашивает она.

В памяти Вей всплывает имя не сразу. Оно пахнет щелоком и железными ключами.

– Серафина.

– А себя?

Я задерживаю ответ на лишнюю секунду.

Шея теплеет.

– Вея.

Серафина кивает. Не потому, что довольна. Просто отметила.

– Поднимайся.

Я поднимаюсь, держась за стену. Колени дрожат. Одежда висит мокрой тряпкой. На полу, возле желоба, лежит чужая лента для волос. Синяя, затоптанная. Никто ее не подбирает.

Подвал длинный. Вдоль стен стоят тазы, ведра, старые ванны. Вода в них темная. В одном плавает белый лепесток. Странная мелочь. Кто-то принес сюда цветы, а потом все испортилось.

– Куда? – уточняю.

Граня фыркает.

– Слышали? Очнулась и уже выбирает.

Серафина не улыбается.

– К Матушке. Она любит смотреть на вещи, которые вернулись с брака.

Матушка. Имя в памяти Вей раскрывается сразу: медные браслеты, мягкий голос, каблук у пальцев, приказ дышать ровнее, когда клиенту тяжело.

Я иду.

Не потому, что хочу. Потому что шея уже знает, как наказывать за остановку.

Лестница вверх узкая. На каждой ступени вода. Я цепляюсь за перила. В доме теплее, чем в подвале. Пахнет травами, дымом, чужими духами. Где-то играет музыка. Спокойная, дорогая. От нее хочется разбить что-нибудь тяжелое.

Мимо проходит девушка с полотенцами. Рыжая, худенькая, с гребнем в руке. Она видит меня и бледнеет.

– Вея?

Я не знаю, кто она. Тело знает: Таля. Восемнадцать. В Доме меньше года. Прячет гребни и хлебные корки так, словно вещи можно накопить против страха.

– Живая, – говорю я.

Таля шевелит губами, но Серафина толкает меня дальше.

– Не задерживайся.

Мы поднимаемся еще на этаж. Стены здесь зеленые, с вышитыми ивовыми ветками. Все чистое. Слишком чистое после подвала. Двери без номеров: лист ивы, лист ольхи, рябина, крушина. Клиентам, видимо, не нравятся цифры. Им подают лес, тайну, мягкую ткань. Не учет.

У кабинета Серафина останавливается.

– Молчи, пока не спросят. Не умничай. Если метка дернет – не сопротивляйся, хуже будет.

Хороший совет. Ужасный совет.

Дверь открывается без стука.

Матушка сидит за широким столом. На ней зеленое платье с медной вышивкой. На пальцах перстни. Перед ней чашка с отколотой ручкой. Чашка простая, дешевая, не к месту. Я замечаю ее сразу и злюсь на себя за это: есть вещи важнее чужой посуды.

Матушка поднимает глаза.

Она не похожа на чудовище. Это хуже. У чудовищ есть клыки, огонь, предсказуемая привычка рычать. У этой женщины спокойное лицо владелицы доходного дела.

– Вея, – говорит она. – Садись.

Стул стоит перед столом. Низкий. Чтобы сидящий смотрел снизу вверх.

Я сажусь.

– Три дня внизу, – говорит Матушка. – Я уже велела списать тебя к концу недели. А ты вернулась.

– Жаль испортить отчетность.

Серафина шумно втягивает воздух. Граня, оставшаяся у двери, шепчет что-то неприличное.

Матушка не сердится. Ей интересно.

– Отчетность?

Я заставляю себя опустить глаза. Вея опускала. Так безопаснее.

– Не знаю, почему сказала.

– Зато я хочу знать. – Матушка складывает руки. Браслеты тихо звенят. – Что ты помнишь?

Нужно выбрать. Меньше правды, больше пользы.

– Подвал. Ваше имя. Пять лет службы. Метку.

– Клиентов?

Внутри поднимается тошнота. Лица нет, только запах: желчь, мокрая бумага, мужской пот, страх, который не принадлежал Вее, но остался в ее теле.

– Кусками.

– Хорошо. Значит, товар не совсем пустой.

Слово бьет точнее, чем я жду. Товар. Я слышала это в договорах. Там оно всегда выглядело чисто, пока не касалось человека.

– Я товар? – спрашиваю я.

Серафина делает шаг, но Матушка поднимает палец.

– А кем ты хочешь быть?

Вот здесь нельзя отвечать быстро. Быстрый ответ будет настоящим.

– Исполнительницей обязанности, – говорю я. – Если верить тому, что помню.

Матушка смеется негромко.

– Серафина, ты слышала?

– Слышала.

– Исполнительница обязанности. Наш подвал творит чудеса.

Я не отвечаю.

Матушка открывает тонкую папку.

– Тебя купили семь месяцев назад. Долг за лечение, одежду, питание и первичную привязку пока превышает твою стоимость. По контракту ты служишь фильтром пять лет. Если доживешь и не накопишь нового долга, получишь отпускную грамоту.

Если доживешь.

Вот где прячется нож.

– Фильтром, – повторяю я.

– Ты принимаешь на себя откат клиентов. Грязь магии. Страхи, болезни, дурные мысли, иногда воспоминания. Благородные господа платят за чистую голову. Ты платишь телом. Все довольны, когда работа сделана тихо.

Вера Сергеевна внутри меня становится очень спокойной. Опасно спокойной. Так бывало на переговорах, когда другая сторона приносила договор с пунктом, который должен был похоронить клиента, и ждала, что я не дочитаю.

– Я могу увидеть контракт?

Граня прыскает.

Серафина закрывает глаза.

Матушка задерживает палец на краю папки.

– Зачем?

– Чтобы понимать предмет обязанности.

– Ты не сторона. Ты вещь.

– Тогда вещь не может нарушить договор. Нарушать может сторона или лицо, исполняющее поручение.

В комнате становится тихо. Даже браслеты Матушки молчат.

Я не знаю, сработает ли. Здесь магия, рабство, чужое тело. Но язык власти похож везде. Он любит называть людей вещами, пока ему выгодно, и виновными сторонами, когда нужно наказать.

Матушка откидывается на спинку кресла.

– Умная вещь стоит дороже. И живет меньше, если не понимает, когда молчать.

Метка на шее теплеет. Не душит. Значит, прямого приказа нет.

– Мне нужна не вся бумага, – говорю я. – Выдержка. Обязанности, запреты, условия свободы. Если я должна быть полезной, мне нужно знать, где начинается вред Дому.

Матушка улыбается. На этот раз почти весело.

– Она просит выдержку.

– Я слышала, – говорит Серафина.

– Дать?

Серафина долго молчит. Жалости в этом молчании нет.

– Если выживет после Ситника, может пригодиться.

Ситник. Имя клиента. Запомнить.

– Хорошо, – говорит Матушка. – Получишь выдержку. Пока ее наверх. Отмыть. Накормить. Сладкого не давать. У нее после откатов живот не держит.

Я должна сказать спасибо. Тело Вей знает.

– Благодарю, Матушка.

Метка на шее теплеет мягко, почти довольно. Я ненавижу это тепло сильнее боли.

В коридоре Серафина ведет меня за локоть. Не грубо. Но ее пальцы лежат так, что я не забуду: уйти нельзя.

– Ты правда хочешь читать контракт? – уточняет она.

– Да.

– Зачем?

Ответ «чтобы сломать» плохой. Ответ «чтобы выжить» слишком честный.

– Чтобы служить лучше.

Серафина хмыкает.

– Врешь. Но уже тише.

Она останавливается у комнаты с четырьмя кроватями. Внутри пахнет травами, старым потом и мокрым деревом. У окна сидит Таля. На коленях у нее гребень.

– Будешь рядом, – говорит ей Серафина. – Если начнет блевать черным, зовешь Мару. Если перестанет дышать, сначала проверь. В прошлый раз подняли весь этаж зря.

– Хорошо, – говорит Таля.

Дверь закрывается.

Мы остаемся вдвоем.

Таля мнет гребень. У нее ловкие пальцы и испуганная привычка улыбаться слишком быстро.

– Ты правда не умерла?

Я сажусь на кровать. Матрас проваливается, пахнет сухой полынью.

– Похоже, нет.

– После третьего дня обычно не возвращаются. А если возвращаются, то... ну.

– Пустые?

Она коротко кивает.

Я хочу сказать, что я не пустая. Но это будет не совсем правда. От Вей во мне остались боль, обрывки памяти и метка. От Веры – злость, страх и договорное право, которое в прежней жизни казалось скучным до зевоты.

Я почти смеюсь.

Таля вздрагивает.

– Больно?

– Нет. Работу вспомнила.

– Какую работу?

Я перевожу взгляд на чужие руки. На синяки. На тонкие темные прожилки под кожей.

– Бумаги читала. Очень вредное занятие.

– От бумаг вреда нет.

– Есть. Если читать внимательно.

Таля не понимает, но ей нравится, что я говорю спокойно. Или она делает вид.

– Кофе будешь? – спрашивает она.

– Здесь есть кофе?

– Нет. Просто спросила.

– Тогда нет.

– Ладно.

Разговор никуда не ведет. И от этого легче. В комнате есть еще один живой человек, который спрашивает про несуществующий кофе.

Ночью я не сплю. Таля засыпает быстро, гребень под подушкой. В коридоре ходят. Скрипят доски. Метка время от времени теплеет, проверяет меня.

Я собираю память Вей по клочкам.

Пять лет службы. Свобода после срока. При хорошем поведении. При сохранении полезности. При отсутствии долга за лечение, одежду, питание, порчу имущества, недополученную прибыль.

Недополученная прибыль.

Кабала всегда притворяется арифметикой.

Под утро я нахожу первую мысль, которая точно моя.

Если они обещают свободу через пять лет, значит, им нужно, чтобы мы верили в срок.

А если срок прописан, его можно потребовать.

Или доказать, что договор умер раньше.

За окном сереет. Внизу несут ведра. Вода плещется, кто-то чихает, женщина тихо ругается. Почти домашние звуки.

Только дом не мой.

Пока.

Глава 2. Хозяйка медной горы

К утру меня отмывают так, словно собираются не лечить, а снова выставить на продажу. Две служанки трут кожу жесткими рукавицами. Вода в лохани быстро темнеет. Ее меняют, и она снова темнеет. Когда я пытаюсь отвести чужую руку от ребер, метка на шее сжимается.

Не больно. Предупредительно.

Тело Дома. Вода Дома. Чистота Дома.

Я перестаю сопротивляться.

На внутренней стороне бедра находится старый ожог в форме полумесяца. Служанка трет его особенно усердно. Будто пятно можно вывести, если стараться. Я замечаю трещину в стене над ее плечом. Трещина похожа на русло пересохшей реки. Никуда не ведет. Просто есть.

После мытья приходит лекарка. Не Мара. Другая женщина, плотная, с глазами цвета вываренного льна. Она щупает живот, слушает грудь через медную трубку, заглядывает мне в рот.

– Жить будет, – говорит она Серафине. – Но печень черная, сердце скачет, откат сидит в костях. Тяжелого нельзя.

– Послезавтра Ситник.

Лекарка морщится.

– Я сказала: тяжелого нельзя.

– Ситник легкий.

– Для кого?

Серафина не отвечает.

Лекарка ловит мой взгляд. Жалости в ней нет. Есть раздражение мастера, которому дали испорченный инструмент и требуют чистой работы.

– Отвар три раза в день. Еды понемногу. Сладкое нельзя, кислое нельзя, жирное нельзя. Если пойдет черная рвота – звать меня. Если пена – уже поздно.

– Удобная инструкция, – говорю я.

Она замирает. Потом хмыкает.

– Язык у тебя отрос.

– Он был поврежден?

– Хуже. Был бесполезен.

Серафина велит мне одеться. Платье дают серое, без украшений, зато чистое. Ткань грубая, но не липнет к коже. Волосы заплетают в одну косу. Метку оставляют открытой.

– Матушка любит видеть, что купила, – объясняет Таля и завязывает мне пояс. Узел получается ровный. Руки у нее быстрые, но осторожные. – Не дергайся. Серафина заставит переделывать.

– А тебе не надоело переделывать?

– Надоело. Поэтому не дергайся.

Она говорит почти сердито. Лучше так. Страх без злости быстро превращается в привычку.

Меня ведут к Матушке после полудня. Теперь я замечаю больше.

На дверях нет номеров, только вышитые листья: ива, ольха, рябина, крушина. Клиенты не хотят помнить, что идут по коридору к живому фильтру. Им дают лес, мягкий свет, занавеси, запах трав. Учетную книгу прячут за красивой дверью.

У лестницы стоит девушка с белыми волосами. Прижимает к груди стопку полотенец и шепчет что-то себе под нос.

– Рута, – тихо говорит Таля за моей спиной. – Если начнет отвечать не тебе, не слушай.

– Кому отвечает?

Таля пожимает плечом.

– Тем, кто остался.

Я хочу спросить, кто остался. Не успеваю. Мы уже у кабинета.

Матушка сегодня в темно-зеленом. Медные браслеты звенят, когда она перелистывает бумаги. Перед ней лежит тонкая папка, перевязанная шнуром.

Выдержка.

Не весь контракт. Но начало.

– Вея, – говорит она. – Садись.

Стул тот же. Низкий. Очень воспитательный предмет мебели.

Я сажусь.

Матушка открывает папку и проводит пальцем по первой строке.

– Тебе любезно разрешено ознакомиться с частью обязанностей. Любезно, Вея. Не по праву.

– Понимаю.

– Нет. Но научишься.

Она читает вслух. Медленно. Так, чтобы я услышала не только слова, но и власть за ними.

Запрещено покидать отведенные помещения без сопровождения.

Запрещено отказывать клиенту, назначенному Матушкой.

Запрещено наносить вред клиенту, имуществу, служителям Дома.

Запрещено скрывать симптомы порчи.

Запрещено владеть острыми предметами, деньгами, письмами, печатями.

Запрещено вступать в сговор, ведущий к ущербу Дома.

Последнее я повторяю про себя.

Сговор, ведущий к ущербу. Значит, не всякий сговор. Если доказать пользу, даже союз можно назвать управлением.

Матушка дочитывает и закрывает папку.

– Повторишь?

Я повторяю. Дословно.

Серафина у двери чуть бледнеет. Матушка не меняется в лице, но пальцы на папке замирают.

– Раньше ты так не умела.

– Раньше меня не держали в подвале три дня.

– Осторожнее. У тебя новый язык, но старая шея.

Шея тут же теплеет. Будто Дом согласен.

– Я прошу уточнить условия свободы, – говорю я.

Серафина тихо шипит:

– Вея.

Матушка поднимает ладонь.

– Пусть. Мне интересно, где она свернет себе голову.

Я сглатываю. Метка не душит. Можно говорить.

– Пять лет службы. Хорошее поведение. Сохранение полезности. Отсутствие долга. Мне нужно знать порядок расчета долга и критерии полезности.

– Нужно?

– Для исполнения.

Матушка смеется. Без веселья.

– Ты думаешь, если найдешь правильную строку, двери откроются?

– Нет. Но неправильная строка иногда закрывает не ту дверь.

Улыбка на лице Матушки гаснет.

– Послезавтра придет Лавр Ситник. Мелкий чиновник, много желчи, мало достоинства. Ты примешь его откат. Если выживешь, получишь еще бумаги. Если умрешь, вопрос условий свободы отпадет.

– Разумно.

– Не храбрись. Это дешевит.

Я замолкаю.

Она любит контроль. Не крик, не наказание, а ровную поверхность, где все отражает ее власть. Нужно не плеснуть слишком сильно.

Матушка отодвигает папку.

– Ты можешь быть полезной. В этом твой единственный шанс. Но если ты начнешь путать полезность со свободой, я отдам тебя тому, кто любит ломать умных. Поняла?

– Да, Матушка.

Метка нагревается. Мягко. Почти ласково. От этого хочется содрать кожу.

Серафина выводит меня из кабинета. В коридоре я выдыхаю только через десять шагов.

– Ты нарываешься, – говорит она.

– Я спрашиваю.

– Здесь это одно и то же.

Она ведет меня не в комнату, а ниже, в маленькую травяную. Там полки до потолка. На них склянки, пучки сушеных стеблей, миски, ножи. Воздух горький, зеленый.

У стола стоит Мара.

Я узнаю ее по памяти Вей не сразу. Тихая. Серая. Пальцы в пятнах от трав. Волосы убраны под платок. Она не кажется молодой или старой. В Доме это вообще плохо различается.

На полке за ее плечом стоит деревянная лошадка с одним сломанным ухом. Игрушка здесь лишняя. Поэтому я замечаю ее первой.

Мара замечает мой взгляд и переставляет лошадку глубже.

– Сядь, – говорит она.

Я сажусь на табурет.

Она дает мне чашку. Отвар пахнет полынью, мокрой землей и чем-то горьким до слез.

– Пей.

– Что это?

– Лучше не знать.

– Убедительно.

– Пей, Вея.

Имя снова царапает. Я пью. Отвар такой горький, что язык немеет. Желудок сначала сопротивляется, потом сдается. Тепло уходит вниз. Неприятное. Зато устойчивое.

Серафина спрашивает:

– Что с головой?

Мара кладет ладонь мне на лоб. Пальцы прохладные.

– Не пустая.

– Это я вижу.

– Чужого голоса не слышу. Бесноватости нет. Старый откат сидит глубоко, но сейчас не лезет. Метка держит. Тело слабое.

– Жить будет?

– До Ситника – да.

– После?

Мара убирает руку.

– Если повезет.

Честность у нее сухая. Почти добрая.

Серафина уходит. Мы остаемся вдвоем. Видимо, Мара не считается опасной. Или считается частью Дома так же, как полки и ножи.

Она режет корень. Нож стучит по доске.

– Ты видела выдержку? – спрашивает она.

Я не ожидала.

– Да.

– Нашла выход?

– Пока вход.

– Осторожно с входами. Здесь любят закрывать за спиной.

Она ссыпает корень в миску.

– Ситник любит, когда его жалеют. Не жалей. Жалость открывает грудь. Он туда и сольет.

Совет ценный. Я запоминаю.

– Что делать?

– Пусть говорит. У него грязь через язык идет сильнее, чем через руки. Если молчит – плохо. Если жалуется – легче.

– Почему ты мне это говоришь?

Мара вытирает нож о тряпку.

– Мертвым отвар не нужен.

Разговор окончен.

В комнату я возвращаюсь с Талей. По дороге двое слуг несут свернутый ковер. Из ковра капает черная вода. Один слуга поскальзывается, второй шипит на него. Капли остаются на полу, но быстро впитываются в дерево.

Пол в Доме голодный.

Таля ждет, пока мы зайдем, закрывает дверь и сразу спрашивает:

– Мара дала пить?

– Да.

– Гадость?

– Редкая.

– Значит, поможет.

Я ложусь. Тело болит ровно, без вспышек. Это почти отдых.

Таля садится у окна с шитьем. Стежки у нее неровные.

– Матушка правда дала тебе бумагу?

– Выдержку.

– Там что?

В ее голосе не любопытство. Надежда, которой стыдно.

– Через пять лет дают свободу.

Она отворачивается.

– Все знают.

– При отсутствии долга.

– Долг всегда есть.

– Значит, нужно узнать, как он считается.

Таля смеется тихо. Без радости.

– Ты странная.

– Мне уже говорили.

– Нет. Не как Рута. И не как Ясна, когда злится. Ты как человек, который пришел ругаться с печкой за то, что она горячая.

– С печкой тоже можно договориться.

– Нельзя.

– Можно. Нужно найти заслонку.

Таля отодвигает шитье, будто я сказала заклинание.

– Ты так и с Матушкой говорила?

– Примерно.

– Дура.

– Возможно.

Она улыбается. Быстро, испуганно, зато по-настоящему.

Вечером Серафима приносит правила распорядка. Не дает их в руки, читает сама. Я снова повторяю дословно. На этот раз она уже не скрывает тревогу.

– Раньше ты так не умела.

– Раньше я не знала, что это важно.

– Теперь знаешь?

– Теперь подозреваю.

Она уходит.

Ночью Дом не спит. За стеной мужчина стонет, потом стон переходит в плач. Женский голос говорит ему что-то мягкое. Воздух тяжелеет, и даже через стену я чувствую запах желчи.

Ситник уже рядом. Или кто-то похожий.

Я лежу на боку и мысленно раскладываю договор.

Имя. Тело. Долг.

Имя Вей принадлежит бумаге. Тело – метке. Долг – Дому.

Но воля? Душа? Моя память, попавшая сюда без подписи и печати?

В договоре не могло быть пункта обо мне.

В моем мире это назвали бы изменением существенных обстоятельств. Здесь, скорее всего, ересью. От ереси умирают быстрее, чем от плохой рвоты.

Я не касаюсь метки. Просто держу пальцы рядом.

Два дня.

Мне нужно пережить два дня, первого клиента и собственную панику.

План скромный.

Зато он мой.

Глава 3. Первый клиент и серебряное кольцо

Ситник приходит с опозданием и сразу требует горячей воды.

Я слышу его еще из коридора. Не голос, а манеру занимать место. Сначала короткое сопение, потом трость по полу, потом недовольное:

– У вас тут сквозит. Я говорил Матушке, в зеленой комнате сквозит.

Серафина поправляет на мне рукав.

– Глаза не поднимать, пока не велит. Не спорить. Не жалеть. Если начнет говорить про начальника – слушать. Если про жену – молчать. Если про деньги – дышать через рот.

– Почему?

– Запах.

Очень практичный мир. Все важное здесь приходит через тело: власть – через метку, страх – через желудок, чужая магия – через кожу и дыхание.

На мне сегодня мягкое синее платье. Волосы распущены, чтобы скрыть худобу шеи, но метку все равно видно. На запястьях тонкие серебристые ленты, не металл, просто крашеная ткань. Настоящее серебро филтрам не дают: дорого, опасно, легко украсть.

Комната приема называется ивовой. Там низкая кушетка, круглый столик, таз с соленой водой, семь свечей и ширма с вышитыми листьями. В углу стоит медная чаша для отработанной воды. Пол старый, темный, доски у стены чуть отходят. Я замечаю щель сразу, потому что юрист в чужом мире остается человеком, который ищет зазоры.

– Ритуал помнишь? – спрашивает Серафина.

Вяя помнит. К сожалению.

– Руки на запястья. Дыхание под клиента. Смотреть, когда поток пойдет через глаза. Не разрывать первой.

– Если начнет тянуть сильнее?

– Терпеть.

– Если будет рвать?

– Не на клиента.

Серафина открывает дверь.

Лавр Ситник оказывается ниже, чем звучал. Круглое лицо, редкие волосы, аккуратная борода клинышком. На пальцах чернильные пятна. Кафтан дорогой, но сидит плохо, словно куплен у человека крупнее. Глаза бегают по комнате и останавливаются на мне с облегчением владельца, которому принесли нужный инструмент.

– Эта? – спрашивает он.

– Вяя, – говорит Серафина. – Восстановилась.

– Уверены? В прошлый раз она... – Он морщится. – Неприятно было.

Я почти отвечаю: «Мне тоже». Прикусываю язык.

Серафина уходит. Дверь закрывается.

Мы остаемся вдвоем.

Ситник снимает перчатки. Медленно, с видом человека, который считает свое раздевание событием. Руки у него влажные. Пальцы короткие. От него пахнет кислым потом, духами и чем-то желтым, хотя цвет не может пахнуть. Здесь, видимо, может.

– Подойди, – говорит он.

Метка на шее сжимается раньше, чем я делаю шаг. Я подхожу.

– На колени.

Нет.

Слово вспыхивает внутри так резко, что боль от метки опаздывает. Я успеваю подумать: если это часть ритуала, отказ причинит ущерб Дому. Если не часть, можно изменить форму исполнения.

– Для желчного отката лучше сидя, господин, – говорю я. – Ровное дыхание снизит обратный удар.

Ситник моргает.

Он привык к покорности. Возможно, к плачу. К советам – нет.

– Кто тебе сказал?

– Лекарка.

Ложь. Но полезная ложь опирается на авторитет.

Он колеблется. Желание унижить борется с желанием не страдать. Второе побеждает.

– Ладно. Сидя.

Я показываю на кушетку и сажусь напротив на низкий табурет. Между нами столик с тазом. Соленая вода неподвижна. Семь свечей горят ровно. Я считаю вдохи, чтобы не думать, что сейчас чужая грязь войдет в меня, потому что кто-то купил право быть слабым за мой счет.

– Руки, – говорю я.

Ситник протягивает запястья. На левом красная полоса от браслета чиновничьей печати. Я кладу пальцы поверх. Кожа горячая.

Сразу тошнит.

Откат еще не пошел, это только преддверие. Как запах кухни перед тем, как увидишь тухлое мясо. Во рту появляется горечь. Под языком собирается слюна.

– Смотрите на меня, – говорю я.

– Раньше ты молчала.

– Раньше было хуже.

– Мне или тебе?

Я всматриваюсь в его глаза. Маленькие, водянистые, обиженные на мир заранее.

– Дому.

Это слово его успокаивает. Дом для него гарант. Печать. Услуга.

Поток приходит не как удар, а как жалоба.

Сначала начальник. Большой, краснолицый, с тяжелыми перстнями. Он смеется над Ситником при других чиновниках. Потом жена, которая глядит мимо него за ужином. Потом стол с монетами: трех серебряников недостает; он перекладывает запись, меняет цифру, уверяет себя, что вернет. Не возвращает. Потом вдова в сером платке просит пересчитать сбор, потому что у нее умер сын. Ситник повышает голос, чтобы не слышать ее. Потом снова начальник. Смех.

Желчь поднимается по моим рукам.

Она густая. Не жидкость, не дым. Скорее липкая мысль: меня унизили, значит, я имею право унижить; меня обошли, значит, я имею право взять; меня не любят, значит, все виноваты.

Я не жалею.

Мара была права. Жалость открыла бы грудь.

– Назовите факт, – говорю я.

Ситник дергается.

– Что?

– Факт. Не обиду. Что случилось сегодня?

– Ты... ты должна молчать.

– Если вы хотите долгий сброс, молчание усилит давление. Что случилось сегодня?

Он тяжело дышит. Пот катится по виску.

– Управитель сказал, что я перепутал ведомость.

– Вы перепутали?

– Нет.

Поток дергается, темнеет.

Ложь.

Я чувствую ее не морально, а телом: как кислый комок у себя в печени.

– Исправьте ответ.

– Что?

– Исправьте. Здесь безопаснее говорить точно.

Ситник глядит зло. Но откат уже идет, и ему страшно.

– Я... изменил строку.

Желчь становится тоньше.

Интересно.

Не исповедь. Структурирование.

– Сумма?

– Двенадцать серебряников.

– Ущерб кому?

– Вдове одной. Да что ты понимаешь, их там сотни, она и не заметила бы, если бы не этот старый пес в управе...

– Ущерб кому? – повторяю я.

Он сжимает мои запястья. Больно.

– Вдове.

Еще тоньше.

Соленая вода в тазу покрывается желтой пленкой. Свечи трещат. У меня кружится голова, но я держусь. Поток идет через руки, через взгляд, через дыхание. Нужно найти место разрыва. У любого обязательства есть момент исполнения. У любой передачи есть акт приема. Если я не просто сосуд, а сторона процесса, значит, могу менять способ приема.

Ситник начинает говорить. Сначала с ненавистью, потом быстрее, почти с облегчением. Начальник, жена, вдова, сосед, который купил новую лошадь, брат, которому дали чин раньше. Слова липнут к коже. Часть отката входит в меня, и я чувствую, как внутри расплзается желтое раздражение. Хочется ударить Талию за ее гребень. Хочется сказать Маре, что ее отвар воняет. Хочется доказать всем, что они никто.

Не мое.

Это не мое.

Я опускаю левую ногу, чтобы упереться лучше, и ступня задевает щель между досками.

Там что-то есть.

Твердое. Холодное.

Я не могу разорвать контакт. Но могу сместить пятку, подцепить край. Ситник говорит, глаза его мутнеют. Я киваю, задаю вопросы, а сама вытягиваю из щели маленький предмет пальцами ноги. Звучит смешно. Выглядит, наверное, тоже. Но Ситник занят собой, как большинство людей в момент признания.

Предмет выкатывается к ножке табурета.

Кольцо.

Старое, потемневшее, серебряное. Узкое, с вмятиной сбоку. Такое могло принадлежать девушке, служанке, жене чиновника, кому угодно. Оно лежит на полу и холодит воздух вокруг себя.

Серебро.

Я вспоминаю слова Матушки о проводниках. Вспоминаю, как магические символы на договоре скользили от прямого взгляда. Вспоминаю, как метка реагировала на формулировки, а не на намерения.

Нужна схема.

Предмет не может принять обязательство, если его не назначить? Или может, если стороны согласны? Ситник согласия не даст. Но ему нужно облегчение. Предмет исполнения – сброс отката. Способ исполнения – через фильтр. Если фильтр использует рабочий инструмент, это не нарушение.

Я отпускаю одно его запястье ровно на секунду.

Метка на шее предупреждает, но не душит: контакт не разорван полностью.

Поднимаю кольцо.

Ситник видит.

– Что это?

– Проводник.

– Разве можно?

– Если хотите без обратного удара.

Самая надежная ложь – та, которая звучит как забота о клиенте.

Он сглатывает.

– Делай.

Разрешение.

Я надеваю кольцо на палец. Оно оказывается мало, застревает на первой фаланге. Холод врезается в кость. Почти сразу желтый поток тянется к нему, как грязная вода к сливу.

Боль меняется. Раньше откат лез в грудь и живот, теперь проходит через руку. Пальцы сводит. Ноготь на указательном темнеет. В кольце что-то шипит без звука.

– Дальше, – говорю я. – Что вы сделали с ведомостью?

Ситник плачет.

Слезы текут по круглым щекам, борода мокнет, нос краснеет. Он выглядит жалко. Жалость снова поднимается, но я держу ее снаружи. Жалость потом. Если будет потом.

– Я хотел вернуть, – шепчет он. – Потом. После жалования.

– Вернули?

– Нет.

Желтая пленка в тазу лопаются пузырями. Кольцо жжет холодом. У меня поднимается тошнота.

– Сумма долга?

– Двенадцать серебряников.

– Срок?

– До следующей седмицы.

– Кому?

– Вдове Милане из Нижней Слободы.

Имя. Сумма. Срок. Ущерб.

Откат вдруг проваливается вниз. Не весь, часть. Как если бы у грязи появился канал. Ситник обмякает, выдыхает, и с выдохом в комнату выходит запах кислой капусты, чернил и старого страха. Свечи гаснут две сразу. Соленая вода темнеет.

Я не успеваю отстраниться.

Последний кусок отката бьет в меня.

Вдова в сером платке стоит в канцелярии. У нее руки красные от стирки. Она считает монеты на столе, сбивается, считает снова. Ситник глядит на ее пальцы и думает, что у нее все равно нет никого, кто пожалуется.

Меня выворачивает.

Я падаю с табурета на колени и успеваю отвернуться от клиента. Рвет черной водой, желтой слизью, чем-то горьким. Горло дерет. Метка на шее дергается, но не наказывает. Видимо, рвота не нарушение, если не на клиента.

Ситник тоже падает назад на кушетку. Он дышит тяжело, но лицо у него светлее. Почти довольное.

– Хорошо, – говорит он сипло. – В этот раз... хорошо.

Я вытираю рот рукавом. Нельзя показывать ненависть. Нельзя показывать, что знаю про вдову. Нельзя показывать, что кольцо только что спасло мне жизнь.

– Дом рад служить, – говорю я.

Слова идут с трудом.

Он смеется слабо.

– Умная стала. Раньше была тихая.

– Тихих плохо слышат.

Он не понимает. И хорошо.

Серафина приходит через несколько минут. За ней Граня с тазом. Ситник уже застегивает кафтан. Он выглядит усталым, помятым, но не злым.

– Клиент доволен? – спрашивает Серафина.

– Доволен, – говорит он. – Эту оставьте. У нее руки правильные.

Граня глядит на мои руки так, словно у них может быть цена отдельно от тела.

Ситник уходит. Перед дверью останавливается.

– Передайте Матушке: в следующий раз хочу ее же.

Дверь закрывается.

Я все еще на полу. Кольцо на пальце почернело по краям. Серафина замечает.

– Что это?

– Нашла в щели.

– Украла?

Метка холодеет. Врать напрямую опасно.

– Подняла во время приема. Клиент разрешил использовать как проводник.

Серафина подходит и хватает мою руку. Я почти вскрикиваю: палец распух, кольцо не снимается.

– Серебро, – говорит она.

– Старое. Работает.

– Откуда знаешь?

– Я не умерла.

Граня крестится каким-то местным знаком: два пальца к губам, потом к горлу.

Серафина переводит взгляд на таз. На воду. На меня. На кольцо.

– Встать сможешь?

– Нет.

– Честно хоть.

Она зовет Мару.

Пока ждут травницу, меня пересаживают на кушетку. Простыня подо мной влажная. Я опускаю взгляд к своим рукам. Одна обычная, синюшная, с чужими шрамами. Другая с кольцом. Палец вокруг серебра белый, ноготь черный, но боль отступает. Внутри тоже тише. Желчь Ситника не исчезла полностью, она сидит где-то под ребрами, но не разлилась до горла.

Мара приходит быстро. Смотрит на кольцо и впервые теряет свое спокойствие.

– Где взяла?

– В полу.

– Покажи.

Серафина не пускает ее к щели.

– Потом. Сначала она.

Мара подносит к моему носу склянку. Запах резкий, уксусный. Я дергаюсь.

– Не спи, – говорит она. – После желчи нельзя сразу. Говори.

– О чем?

– О чем угодно.

– Ситник украл двенадцать серебряников у вдовы Миланы из Нижней Слободы. Вернуть должен до следующей седмицы. Боится управителя, завидует брату; жена его не любит, или он так считает. Печень больная. Врет плохо.

Серафина и Мара переглядываются.

– Что? – уточняю.

Мара медленно закрывает склянку.

– Фильтры иногда видят обрывки.

– Я структурировала поток. Обрывки стали связными.

– Ты что сделала?

Я прикрываю глаза. Очень хочется лечь внутрь темноты. Мара щелкает пальцами у моего лица.

– Не спи.

– Задала вопросы. Откат уменьшился, когда он называл факты.

Серафина садится на край стола. Для нее это почти обморок.

– Матушке это надо слышать.

– Сначала палец, – говорит Мара. – Иначе Матушке придется слушать труп.

Она смазывает кожу вокруг кольца маслом. Проверяет снять. Я шиплю сквозь зубы.

– Нельзя снимать сейчас, – говорит Мара.

– Почему?

– Оно держит часть желчи. Снимем резко – вернется.

Серафина ругается.

– Матушка не любит, когда имущество само находит себе украшения.

– Скажешь ей, что украшение дешевле похорон.

Мара говорит спокойно, но в голосе появляется сталь. Интересно. Серафина не спорит.

Мне дают еще один отвар. Этот хуже первого. Я пью, потому что альтернатива хуже.

Через час меня ведут к Матушке. Идти трудно. Каждые несколько шагов в голове вспыхивает лицо вдовы. Милана. Нижняя Слобода. Двенадцать серебряников. Мне нужно будет что-то с этим сделать. Не сейчас. Но запись в голове уже есть.

Матушка принимает Ситника в своем кабинете, потом меня. Он, видимо, успел похвалить услугу. На столе лежат монеты. Больше, чем обычно? Не знаю, но Матушка довольна.

– Говорят, ты нашла способ сделать желчь господина Ситника почти приятной.

– Не приятной. Терпимой.

– Для него?

– Для всех сторон.

– Серафина сказала про кольцо.

Я протягиваю руку. Серебро потемнело, но не почернело. Метка на шее теплеет, словно ей не нравится соседство.

Матушка берет мою кисть. Ее пальцы мягкие, теплые. Она не причиняет боли. От этого еще хуже.

– Где нашла?

– В щели пола ивовой комнаты.

– Чье?

– Не знаю.

– Почему не отдала сразу?

– Использовала для сохранения полезности имущества Дома.

Матушка смеется тихо.

– Серафина, она меня когда-нибудь доведет до того, что я начну брать плату за разговоры.

- Можно ввести тариф, – говорю я.
- Серафина закрывает лицо рукой.
- Матушка улыбается тонко.
- Тебе сейчас очень повезло, Вей. Клиент доволен. Твоя странность принесла деньги.
- Поэтому я разрешу оставить кольцо до следующего приема. Как рабочий инструмент.
- Рабочий инструмент.
- Слова важны. Очень важны. Если кольцо признано инструментом, его наличие не кража и не украшение.
- Благодарю, Матушка.
- Но запомни. Все, что ты находишь в Доме, принадлежит Дому. Все, что ты делаешь в Доме, принадлежит Дому. Все, что ты узнаешь от клиентов, принадлежит Дому.
- Конечно.
- Она отпускает мою руку.
- Ситник просит тебя в следующий раз. Это хорошо. Но я хочу знать, что ты видела.
- Вот.
- Тайны клиентов – товар. Матушка не могла этого не понимать. Фильтры, вероятно, раньше выдавали обрывки, бред, бессвязные фразы. Если я могу делать из этого сведения, моя цена меняется.
- И опасность тоже.
- Он боится управителя, – говорю я. – Украл мелкую сумму. Вероятно, вернет, если надавить. У него слабая печень. Лучше давать ему перед приемом кислый настой, чтобы откат шел через речь, а не через кожу.
- Не называю вдову. Не называю сумму. Оставляю себе первый кусок чужой правды.
- Матушка слушает внимательно.
- Значит, ты чистишь и читаешь.
- Если клиент говорит.
- А если не говорит?
- Нужно сделать так, чтобы говорил.
- Опасные слова.
- Прибыльные.
- Она не отвечает. В ее глазах нет тепла, но есть удовольствие. Купец нашел новую жилу.
- Отдыхай. Завтра получишь правила распорядка письменно. Посмотрим, что еще твоя голова сделает с моим Домом.
- Меня отпускают.
- В коридоре ноги подкашиваются. Серафина поддерживает меня под локоть.
- Не думай, что выиграла, – говорит она.
- Я думаю, что не умерла.
- Это здесь часто одно и то же, только с задержкой.
- В комнате Таля вскакивает с кровати.
- Ты живая!
- Спорный вопрос.
- Она помогает мне лечь. Потом приносит воду. Руки у нее дрожат больше моих.
- Ситник мерзкий?
- Да.
- Плакал?
- Да.
- Они многие плачут. А потом выходят и снова важные.
- Я пью маленькими глотками. Вода теплая, с привкусом глины.
- Таля.

– Что?

– Ты знаешь вдову Милану из Нижней Слободы?

Она морщит лоб.

– Милан много.

– Эта ходила в Палату сборов. Сын умер.

Таля думает. Потом кивает.

– Может, та, что белье стирает для кухни? У нее сын в прошлом месяце в канаву упал.

Или его толкнули, не знаю.

Мир сужается до точки.

– Мне нужно передать ей двенадцать серебряников.

Таля задерживает взгляд на моем лице, будто проверяет, не брежу ли я.

– У тебя нет серебряников.

– Пока.

– Ты правда ругаешься с печкой.

– Да.

Она садится на край своей кровати.

– Печка сожжет.

– Возможно.

– А если нет?

Я перевожу взгляд на кольцо. Серебро на пальце уже не ледяное, просто прохладное. В нем сидит чужая желчь, чужой страх, чужое преступление. Маленький архив на моей руке.

– Тогда мы найдем заслонку.

Таля молчит. Потом достает из-под подушки гребень и начинает расчесывать свои рыжие волосы. Медленно, осторожно. Один зубец скрипит.

За стеной снова смеются мужчины. Внизу несут воду. В коридоре Серафина отчитывает кого-то за пролитый воск. Дом живет, как живут все учреждения, построенные на чужой боли: по расписанию.

Я лежу и думаю о вдове Милане.

Это мысль никуда не ведет прямо сейчас. Денег нет. Свободы нет. Даже палец с кольцом распух так, что я не могу согнуть его. Но мысль остается. Маленькая, упрямая, не вовремя.

Двенадцать серебряников.

Я запоминаю долг.

Не свой.

Пока.

Глава 4. Иерархия гадюшника

На следующий день я узнаю, что в Доме Ив есть королева.

Не Матушка. Матушка выше корон. Королева живет среди нас, ест ту же жидкую кашу, пьет те же отвары, носит метку на шее. Ее зовут Ясна. Она входит в общую залу после полудня, и разговоры стихают так быстро, словно кто-то накрыл их мокрой тканью.

Я сижу у теплой стены. Это место мне показала Таля: за стеной проходит труба из бань, и если прижаться спиной, кости перестают ныть. После Ситника у меня болит печень, хотя печень, строго говоря, не должна болеть так определенно. Здесь у органов, видимо, другое мнение.

Ясна останавливается передо мной.

Она красивая. Не ухоженной красотой верхних комнат, а злой, выжившей. Светлые волосы заплетены в тяжелую косу, губы почти бесцветные, глаза синие и холодные. На запястье браслет из зеленой нити. У других таких нет.

– Это мое место, – говорит она.

Таля, сидящая рядом, замирает с ложкой в руке.

Сначала я упираюсь взглядом в стену за спиной. Потом – в Ясну.

– Оно подписано?

В зале кто-то тихо втягивает воздух. У дальней лавки Рута перестает шептать.

Ясна улыбается.

– Новая Вея смешная.

– Старая была лучше?

– Старая знала, когда вставать.

Метка на шее молчит. Ясна не служитель Дома. Ее приказ не приказ. Хорошо.

– У меня после желчного отката температура, – говорю я. – Мне нужно тепло.

– Всем нужно.

– Тогда вопрос распределения.

– Чего?

– Тепла.

Таля едва слышно шепчет:

– Встань.

Я не встаю.

Не потому, что место важно. Из-за места глупо умирать. Но сейчас на меня смотрят девушки, женщины, почти тени, и каждая знает: если Вея, которую уже списывали, уступит сразу, все мои слова про договоры останутся смешным бредом после подвала.

Ясна наклоняется ко мне.

– Ты думаешь, Ситник похвалил тебя, и ты стала кем-то?

– Нет.

– А что ты думаешь?

– Что ты слишком умная, чтобы драться за стену, если можешь получить больше.

Она бьет быстро.

Не кулаком. Ладонью. Голова дергается в сторону, во рту появляется кровь. Метка не реагирует. Значит, Дом допускает насилие между имуществом, пока оно не портит товар сверх меры.

Я возвращаю лицо обратно. В зале тихо.

– Больше – это что? – спрашивает Ясна.

Умная. Все-таки умная.

– Сведения.

– О чем?

– О клиентах. Кто с каким откатом. Кого можно брать после кого. Кто платит за молчание. Кто опасен. Кто врет. Кто болен.

– И зачем мне твои сведения?

– Чтобы не сдохнуть на чужой очереди.

Ясна ловит мой взгляд долго. В ее лице что-то меняется, но не смягчается. Она поворачивается к Тале.

– А ты чего прилипла?

Таля вскакивает так быстро, что проливает кашу на юбку.

– Я... ничего.

– Вот и делай свое ничего в другом месте.

Таля отходит. Слишком быстро. Я не успеваю остановить. Потом понимаю: не надо. Если я сейчас начну защищать всех подряд, меня съедят до вечера. Сначала структура. Потом героизм, если останутся зубы.

– Сведения у всех есть, – говорит Ясна. – Девки и так болтают.

– Болтовня не учет.

– Опять слова.

– У меня после Ситника остались имя вдовы, сумма кражи и срок возврата. Это не болтовня.

Ясна едва заметно моргает.

– Врешь.

– Спроси у кухни про Милану из Нижней Слободы.

– Зачем тебе это?

– Пока не знаю.

– Врешь лучше, чем вчера.

– Учусь.

Она смеется. Коротко, без радости.

– Место твое до заката. Потом мое.

– Согласна.

– Я не спрашивала согласия.

– Но получила.

Она снова поднимает руку. Я не закрываюсь. Это, вероятно, глупо. Но она не бьет второй раз. Уходит к дальней лавке. Девушки снова начинают говорить, но тише.

Таля возвращается через несколько минут с мокрой тряпкой.

– Щеку приложи.

– Спасибо.

– Ты ненормальная.

– Уже было.

– Она Ясна.

– Я заметила.

– Нет, ты не поняла. Она у Матушки на хорошем счету. Она пять тяжелых пережила. Пять. Ее зовут, когда клиент любит ломать. Она потом ходит. Другие нет.

Я прикладываю тряпку к щеке. Холодно.

– Значит, она знает больше всех.

– Поэтому ты ее злишь?

– Поэтому я с ней говорю.

Таля качает головой и садится на пол рядом. Не на лавку, чтобы не занимать место. Это злит меня сильнее пощечины, но я молчу. Запоминаю. Не все исправляется в момент, когда замечено.

К вечеру я понимаю устройство залы.

Теплая стена – власть Ясны. Место у окна – для тех, кто плохо переносит запахи после откатов. У двери сидят новенькие, чтобы их легче было звать. Рута занимает угол под иконкой местной святой, хотя, кажется, не молится. Мара редко приходит в общую залу, но ей оставляют миску у печи. Серафина делает вид, что не видит внутренний порядок, пока порядок не мешает расписанию.

Я прошу у Тали уголь и кусок упаковочной бумаги.

– Зачем?

– Писать.

– Запрещено письма.

– Это не письмо. Учет симптомов.

– А если найдут?

– Скажем, что для Матушки.

– А если Матушка спросит?

– Покажем полезную часть.

Таля глядит, будто у нее от меня болит голова. Потом приносит из прачечной обрывок бумаги, в которую раньше заворачивали мыло. От нее пахнет щелоком и лавандой.

Я пишу мелко.

Ситник Лавр. Откат: желчный. Канал: речь, руки, взгляд. Симптомы фильтра: тошнота, агрессия, боль справа, черная рвота. Снижение: структурирование вины, признание факта, серебряный проводник, соленая вода.

Почерк Вей неровный. Моя рука помнит другое письмо, но это тело держало перо редко. Уголь крошится. Получается грязно.

Рута подходит бесшумно.

– Он придет опять, – говорит она.

Я поднимаю взгляд.

Белые волосы закрывают половину ее лица. Глаза светлые, почти прозрачные. Она глядит не совсем на меня, а чуть в сторону.

– Ситник?

– Черный.

Таля бледнеет.

– Рута, не надо.

– Черный придет, – повторяет Рута. – И ты сама его позовешь.

В зале снова тихо. Я чувствую, как на шее под кожей метка становится холоднее.

– Кто черный? – спрашиваю я.

Рута улыбается. Улыбка у нее детская и страшная.

– Княжич. Ворон. У него руки полны мертвых птиц. Они не кричат, потому что он велел.

– Рута, – резко говорит Ясна с дальней лавки. – Заткнись.

Рута послушно замолкает. Потом садится рядом со мной на пол и замечает мои записи.

– Буквы ползут.

– Уголь плохой.

– Нет. Буквы боятся.

Я не знаю, что на это сказать.

Таля знает:

– Кашу будешь?

Рута думает.

– Нет.

– Ладно.

Разговор заканчивается. Почти нормально.

После ужина прихо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.